

ПРИМЕЧАНИЯ

1–7. СКАЗКИ О ЛИСЕ

Сказки о лисе, волке, козе и других зверях (Thiermärchen) составляют отрывки старинного животного эпоса, происхождение которого относится к той отдаленной эпохе, когда предки наши вели бродячую жизнь охотников и пастухов. Зверолов, охотник и пастух, по самому характеру своих занятий, постоянно обращаются с теми или другими зверями, стоят к ним близко и смотрят на собаку, быка, волка как на товарища или врага, в некотором смысле как на себе подобного; они чутко приглядываются ко всем особенностям животных, тешатся их хитростью и силой, любуются красотой их форм; с некоторыми из них они ведут войну, других воспитывают и приручают, и все переживаемое, испытываемое таким образом в сообществе животных фантазия пускает в ход в *зверосказании*, в *животной былине*, повествуя про них то либо другое и наделяя их при этом человеческим рассудком и языком, или же приравнивая вынесенные из их среды опыты к отношениям людского быта. Так образуется запас эпического материала, который в течение многих столетий перерабатывается при устной его передаче и у различных народов получает свои особенные черты.

И в других народных сказках, повествующих нам чудесные похождения и подвиги богатырей, являются действующими лицами звери, которым присваиваются ум, чувство, дар слова и разные сверхъестественные свойства; но там более или менее являются они для услуг человека, поставляемого на первом плане, хотя нередко превосходят его догадливостью и смелостью.

Напротив в мелких баснях, на которые дробится животный эпос, главный интерес сосредоточивается на зверях: в этих баснях являются они не только действующими лицами, но героями — каждый со своим особенным характером.

Вообще в народных памятниках вся природа представляется исполненной разумной жизни, наделенной умом, чувством и даром слова; у нее свои радости и страдания, которые она нередко разделяет с человеком. Такой поэтически живой взгляд на природу обуславливается характером доисторического развития народов; ибо в основу этого развития легло обожание таинственных сил природы и наивное преклонение пред ее грозными и торжественными явлениями.

По народным преданиям, сохранившимся доньше, звери, птицы и растения некогда разговаривали как люди; поселяне верят, что накануне нового года домашний скот получает способность разговаривать между собою по-человечески, что пчелы во всякое время могут разговаривать с маткою и друг с другом, что дятел стучит в дерево с отчаянья, и т. п. В песнях и сказках цветы, деревья, насекомые, птицы и звери ведут между собой разговоры, предлагают человеку вопросы и дают ему ответы. В шуме древесных листьев, свисте ветра, плеске волн, жужжании насекомых, крике и пении птиц, реве и мычании животных — в каждом звуке, раздающемся в природе, поселяне думают слышать таинственный разговор, доступный только чародейному ведению колдуна.

Народные басни о *лисе*, в теперешнем их виде, представляют разрозненные части древнего эпического сказания, в котором в забавных сценах показывается перевес хитрости, ловкости и ума, даже при недостатке физических сил, над тупостью и слабоумием, хотя бы эти последние качества восполнялись огромной силой и крепостью тела. Сказание о лисе известно почти у всех индоевропейских народов, и есть общее

их наследие, доставшееся им от эпохи доисторической. Переработанное в Средние века, оно дошло до нас в немецком и латинском списках XII века; другие списки относятся к XIII веку (на франкском и нидерландском наречиях) и к XV (на нижнесаксонском). Во всех редакциях поэма эта содержит в себе много изречений и подробностей, напоминающих наши народные сказки. В издании братьев Гримм: “Kinder-und Hausmärchen” помещено несколько сказок о лисе. Русская сказка о том, как небитая лиса ехала на битом волке, сходна с немецкой: “Der Fuchs und die Frau Gevatterin” (Гримм, I, № 74); “Лиса-повитуха” (сравни у Чудинова, 12) тождественна с немецкой сказкой: “Katze und Maus in Geaellschaft” (Гримм, I, 2), в которой в роли лисы выступает кошка, и с греческой, помещенной в сборнике Гана (II, 89); «Лиса, заяц и петух» сходна с окончанием сказки, напечатанной в собрании братьев Гримм под № 36 (I, с. 223). В прекрасной книге Гаупта и Шмалера: “Volkslieder der Wenden in der Ober-und Nieder-Lausitz” (II, с. 464–466) помещены две любопытные сказки о волке и лисе: № 6 — «Битый небитого везет»; № 7 — «Несчастливая рыбная ловля волка». В первой сказке волк и лиса отправляются искать приключений.

«Погода была чудная и месяц ярко светил на небе. Вот пришли они к небольшому источнику.

— Что это? — спросил волк.

— Где? — говорит лиса.

— Да вот в воде!

Полный месяц отражался в источнике.

— Это славный сыр.

— Я бы охотно его попробовал!

— Выпей наперед воду.

И волк принялся тянуть в себя воду, а лиса тут же заткнула его пробкою. Вылакал он всю воду до дна, а сыра нет! После того отправились они в прядильню, где парни собрались на вечерницу. Лиса заметила,

что здесь приготовлены славные колбасы; захотелось ей попробовать, да как? У дверей лежит цепной пес и не пустит. Она ототкнула у волка пробку — и вода полилась и стала наполнять комнату, все выше и выше. Тут все напустились на волка, принялись его ругать, бить, и вытолкали вон; а лиса меж тем подхватила колбасы, съела и вымазалась нарочно брусникой, которая подле стояла. Приходит к волку, а тот к ней с укорами; лиса притворилась избитой, окровавленной, уверила волка, что ей и самой досталось, и уговорила приятеля посадить ее к себе на спину и отнести домой. Волк согласился; дорогой лиса причитывает:

— Битый небитого несет!

Волк услышал и, переходя через переκлади́ну, сбросил ее в ров с водой».

Есть еще норвежская сказка (Alb. Мее, I, 17) о медведе и лисе и сербская: «Лисица се осветила вуку» (Карадж., 50), сходные с нашей сказкой о «Лисичке-сестричке и волке». В норвежской — медведь ловит хвостом рыбу, подвергается подобному несчастью с волком из нашей сказки и оттого навсегда остается кучым; в сербской рассказывается, как лиса стащила с воза три сыра и какой разговор повела она при встрече с волком.

«— Откуда ты добыла сыр? — спрашивает волк.

— Из воды вытащила.

— Где-ж эта вода?

— Пойдем, я тебе покажу.

Дело происходило ночью, небо было ясно и в высоте блистала луна. Лиса подвела волка к источнику, показала ему на отражение месяца в воде и сказала:

— Вон видишь, какой сыр в воде! Лакай воду, коли хочешь его вытащить.

Волк лакал, лакал, пока не ударилась вода из него назад ртом, носом и ушами».

С напечатанной в нашем издании сказкой: «Мужик, медведь и лиса» сходны:

а) польская о том, как мужик вместе с чертом варил пиво и сеял репу, а как дошло до дележа — отдал ему от репы верхушки, а от пива поддонки или гуцу (Боричев. Народные славянские рассказы, 195; Глинск., III, с. 215);

б) чувашская (Чувашск. разговоры и сказки, составлен. Спиридоном Михайловым, Казань, 1853, с. 50–56) о черемисине, который вместе в медведем сеял ячмень и репу и тоже обманул его при дележе, отдав от ячменя корни, а от репы верхушки (зелень).

Точно так же в малороссийской сказке (Рудченко, I, 29) хитрая баба обманывает в дележе черта.

Роль медведя в народных преданиях нередко возлагается на великана или черта (D. Myth. Гримм., с. 980–981), каковая замена служит указанием на древнейшую мистическую основу сказки о мужике, медведе и лисе, ибо в образе медведя олицетворялись и громовник, и тученосные демоны.

В белорусском варианте этой сказки (под буквой г) подробности о том, как хитрила лиса, чтобы избавить мужика от волка, переданы с наибольшей полнотой. По замечанию г. Пыпина, подобная сказка известна и эстонцам, где также лиса пугает медведя охотниками (Отечественные записки 1856 года, № V, с. 19). Но более всего в белорусском варианте обращает наше внимание конец: хитрая лиса сама попадает в просак и делается жертвой своей собственной недогадливости и злости.

Рассказ о лисе и жбане, сходный с нашим, но переданный в необыкновенно увлекательной поэтической форме, существует у чехов; см. в издании Шафарика — “Wýbor z literatury české” (1845 г., Прага, с. 228–230: Bájka o lisce a čbanu). Шафарик относит эту байку к XIII столетию. «В числе любимых чтений средневековой Европы, — говорит он, — были рассказы о животных.

Следующая байка (о лисичке и ведре) свидетельствует, что уже в XIII столетии у чехов были известные подобные сочинения, ибо по языку своему может быть отнесена она к этой отдаленной эпохе. Находится она в рукописи Градецкой (ныне в Лобковицком книгохранилище) и в первый раз напечатана в собрании басен Пухмайера, в Праге, 1795 г.; также в сочинении Томсы: “Ueber Veränderungen der böhm. Spr.”, 1805 г., с. 72».

См. еще рассказ о лисе и кувшине в I книге «Народных русских сказок» (№ 20) и в сборниках Эрленвейна, № 34 и Рудченко, № 8. Известно, как мастерски знаменитый Гёте сумел воспользоваться средневековой поэмой о хитростях лисы: см. его “Reineke Fuchs”, переведенной на русский язык Достоевским.

У нас Даль старался передать в литературной форме сказания о похождениях лисы (Повести, сказки и рассказы казака Луганского, СПб., 1846, IV, 237). По свидетельству Даля, сказка о лисе и волке известна на Украине под названием: «Лисичка-сестричка та волк-панебрат», а в великорусских губерниях под названием: «Лиса Патрикеевна».

О похождениях Лисы Патрикеевны, как она представляла волка ловить рыбу, а потом, назвавшись лекаркой, съела у медведя весь припасенный мед, напечатана сказка в «Подснежнике», 1860, № 1; в окончании сказки прибавлено:

«Идет лиса по лесу, а хвост несет по ветру; вдруг слышит — жареным что-то запахло. Побежала на запах и попала в капкан. Испугалась Лиса Патрикеевна, начала голосить, кумовьев на помощь звать — ан пришел мужик, у которого она рыбу повытаскала; перерезал ей горло, шкурку содрал и на базар понес. После набежал на лису волк; увидел, что кума без шубки лежит, поплакал-потужил, да и скушал куму. (Сличи варианты в издании г-жи Авдеевой: «Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкой Авдотьей

Степановной Черепьевой» (3-е изд., СПб., 1856, с. 48–54; в трудах Курск. статист, ком., I, с. 529–530; Рудчевко, I, 7; II, 4; Глинск., II, с. 209–227; начало сказки о «лисе-лекарке» сравни с напечатанной у Худякова, II, № 73).

У белорусов есть пословица, очевидно намекающая на какой-то народный эпический рассказ о лисе: «Лисица от дожджу и под борону ховалась: не всякая, казалася, капля кáнець». (Архив историко-юридических сведений о России, изд. Калачова, 2-я половина II тома, статья Буслаева, с. 172–174.) В настоящем издании под № 98 и 99 напечатаны сказки о Бухтане Бухтановиче и Кузьме Скоробогатом, в которых лиса играет роль хитрой свахи и женит Бухтана и Кузьму на царевнах.

Сборник хорутанских сказок Валявца предлагает несколько любопытных отрывков животного эпоса; сказка: “Zakaј nema zajec celoga repa” (с. 281–282) совершенно сходна с нашей о лисе-повитухе, только здесь вместо двух лиц выведено три: волк, лиса и заяц; на последнего лиса и сваливает свой грех. Когда из кумушки повыступил мед, она легла позади зайца, обтерлась об его шкурку, воротилась на свое место и стала будить волка:

— Вставай! Из зайца мед выступил.

Заяц испугался и кинулся бежать, а волк за ним в погоню, ухватил его за хвост и оторвал. Оттого-то у зайца такой куцый хвост.

В том же сборнике находим следующий своеобразный вариант сказки о том, как лиса избавила, человека от медведя, напечатанной нами в книге I под № 7:

«Недалеко от заячьей норки была медвежья берлога. Заяц стал ходить туда, насмехался над медвежатами и плевал на них. Вот когда старый медведь пришел домой, дети нажаловались ему на зайца. Старый рассердился:

— Подождите, — говорит, — я его изловлю!

Взял да и спрятался, и как только пришел заяц, он тотчас выскочил. Заяц — гу! И бросился в лес, а медведь за ним. Гнался-гнался; где заяц проскочит, там медведь завязнет, и таки застрял в расколотом дереве. Случилось мимо идти мужику. Медведь и молит:

— Освободи меня; я тебе покажу за то целую бортъ меда. Только смотри, никому не рассказывай, как надо мной насмеялся малой зайчишка!

Мужик обещал никому про то не рассказывать, взял топор, обрубил одну часть дерева и освободил медведя. Медведь показал ему бортъ с медом. Вот мужик поскорей домой, запрѣг волов в повозку, поехал в лес, наклал меду и воротился назад. А медведь тихонько подкрался к его избушке и стал подслушивать. Мужик складывает мед с воза; дети увидали и спрашивают:

— Батька, где набрал столько меду?

— Нашел в лесу.

Тут и жена пристала:

— Кто же тебе помог найти?

— Да один старой медведь; гнал он за зайцем, да завяз в дереве, я его выпустил, он мне и показал за то. Небось не станет теперь старый дурачина гоняться за зайцами!

«Постой, — думает медведь, — отплачу я тебе эту насмешку!»

На другое утро запрег мужик волов, положил на повозку мешок пшеницы, привязал сзади плуг и поехал в поле. Начал было пахать, а медведь тут как есть:

— Стой, обманщик! Как же ты обещался никому не рассказывать, как меня прищемило в дереве, а добрался до дому и тотчас все жене и детям разболтал?

— Что ты, приятель! Я никому не рассказывал.

— Да я сам слышал, сам стоял у твоей избы; а чтоб ты больше не обманывал, я тебя задеру.

Услыхала то лисица и начала махать хвостом из чащи леса, а сама приговаривает:

— Человече! Ум у тебя в голове, а дубина в руке.

Мужик вздумал попробовать, высыпал из мешка пшеницу и сказал медведю:

— Я не приготовился к смерти — ни исповеди, ни эпитимьи не исполнил: полезай-ка ты, медведь, в этот мешок, и заместо эпитимьи я понесу тебя по полю; обнесу раза два-три, тогда и делай со мной что хочешь.

А Медведь подумал: «Э, какой я важный господин! Человек меня на плечах носить будет».

Влез в мешок, а мужик тотчас завязал его покрепче и так ударил по голове дубиной, что медведь тут же околел. Прибежала лиса:

— Мужик! Ведь я тебя надоумила; что ж ты мне пожалуешь?

— Хочешь утку?

— Нет!

— Ну, петуха?

— Нет!

— Чего ж тебе?

— Давай отгрызу твой нос.

Мужик растерялся, “od straha velikoga prdne jenkrat. Lesica poslušā, pak veli: oho, kaj je to? Pak človek i drugi put, pak i trejti put prdne. Lesica veli: kaj je to? Človek veli: ej, nikaj; včera sem pojel devet lovnih psov, pak vezda se ’sum silum očeju iti vun”. Лиса ударилась в бег, а мужик остался с целым носом».

(См. также Гана, № 94 и Шлейхера, с. 8.)

В русской сказке лиса, спрятавшись от собак в нору, вступает в разговор сама с собой и погибает от вражды к своему собственному хвосту.

Тот же комический эпизод встречаем в хорутанской сказке «Птица, лиса и пес» (с. 273–274):

«Птица свила себе гнездо и стала нести яйца.

Лиса изъявляет желание полакомиться этими яйцами.

— Ах, как же ты глупа! — говорит птица. — Разве ты наешься ими досыта? Подожди, вот я выведу деток, выкормлю их, тогда, пожалуй, приходи, скушай и детей, и меня.

Лисица согласилась с радостью. Тем временем птица подговорила гончего пса, который спрятался за кусты. Приходит лиса, птица ей и говорит:

— Ну, теперь я могу тебе дать что обещала; позволю только мне спеть последнюю песню.

А это был условный знак у ней с собакою, и так только птица запела, пес выскочил и кинулся на лису, а та бежать, и прямо в нору».

Затем следует известный разговор лисы со своими ногами, ушами, глазами и хвостом. Коротенькая басня о лисе, исповедующей петуха (I, с. 5), послужила темой того сатирического стихотворного разговора между лисицей и куrom, который был напечатан в «Старичке-весельчаке, рассказывающем давние московские были» и даже попал в лубочное издание (См. Русские народные сказки, изд. Сахаровым, предисловие, с. XXXII «О куpe и льстивой лисице».) Разговор этот под заглавием «Слог виршевой о куpe с лисицею» встречается в одном рукописном сборнике конца XVII или начала XVIII столетия с некоторыми дополнениями против напечатанного в «Старичке-весельчаке». В одном списке «Пчелы», по замечанию г. Бессонова, при описании разных учителей прибавлено: «не красен позор — лисица в курятях, того же нестройней учитель неподобен». Этим сравнением, вероятно, также на основе народного сказания, лисица поставлена между курами в положение учителя. Все это доказывает, что притча о лисе, из корыстной цели проповедующей петуху о пагубе греховной жизни и суете сего мира, была довольно распространена и составляла любимое народное чтение. В языке напечатанных нами сказок о лисе-исповеднице (сравни у Гана, II, № 9) довольно ясно обнаруживаются следы книжного влияния.

У белорусов известен еще следующий рассказ о лисице:

«Однажды набрела она на кусок мяса подле нагнутого дерева, и заметив, что кусок этот положен как приманка к ловушке, не решилась приступать к нему. На ту пору шел мимо волк и спросил у кумушки, отчего она не попробует такого лакомого завтрака? Хитрая лиса отвечала:

— Я б, кумок, ела, да лихо сегодня среда.

— А я не посмотрю на среду! — сказал волк и с жадностью бросился на мясо, но попал горлом в силок: дерево тот час же разогнулось и подняло его на воздух; а лисица начала убирать оставшееся на земле мясо.

Волк, увяда это со своей виселицы, напомнил ей:

— А среда, кума!

— Нехай, кумок, — отвечала лисица, — тэй середзиць, хто на небо глядзиць!»

(Записки Русского географического общества по отделу этнографии, I, 377.)

Та же мысль выражена и в народной притче о коте:

«— Кот Евстафий, ты постригся?

— Постригся.

— И посхимился?

— И посхимился.

— Пройти мимо тебя можно?

— Можно.

Мышка побежала, а кот ее цап.

— Оскоромишься, кот Евстафий!

— Кому скоромно, а нам на здоровье!»

(См. «Пословицы» Даля, с. 1094.)

При разборе народных басней о хитрой лисе нельзя не обратить внимания на хорутанскую сказку про больного льва (Валявец, с. 280).

«Захворал лев и залег в свое логовище. Пришел к нему на поклон медведь. Лев спросил его:

— Не слышишь ли ты, как смердит в моей берлоге?

— Правда, — отвечал медведь, — скверно воняет.

Лев озлобился и разорвал медведя. Заяц это видел, и когда явился на поклон ко льву, то на сделанной ему такой же вопрос отвечал:

— О нет, нисколько не воняет, а, напротив, прекрасно пахнет!

— Лжешь ты! — закричал лев, не пахнет, а смердит! — и тут же разорвал зайца.

Потом явился волк и на вопрос льва отвечал:

— Нет, не смердит и не пахнет!

— Лжешь! — возразил лев. — Ни то ни другое быть не может, — и разорвал волка.

После всех пришла на поклон лиса.

— Что, — спросил ее лев, — смердит или пахнет в моем логовище?

Хитрая лиса отвечала:

— Прости меня, светлый царь! У меня теперь насморк, и я не могу отвечать тебе, смердит ли здесь или пахнет; а лгать не смею.

И лев ее пощадил, за то что умна была».

С приведенной сказкой очень близко сходна чешская о царе-хорьке (Wenzig, с. 203–205):

«Когда лягушки выбрали себе королем долгоногого аиста, то и куры не захотели отстать от них, собрались всем миром и стали совет держать. Так как никто не хотел стерпеть, чтобы другой над ним властвовал, но всякий сам добивался власти, то все петухи перебрались и вступили в битву. Они так долбили друг друга клювами, что гребешки их были в крови и перья летели во все стороны. Наконец один старый и мудрый петух посоветовал, что лучше всего взять им в короли хорька; он и силен, и с крепкими зубами, его все станут бояться, и тогда наверно будет покой и порядок. Совет этот понравился, и петухи тотчас отправили послом с предложением к хорьку. Хорек принял их дружелюбно и обещал защищать своих новых подданных от ястребов, которые хватают цыплят, от куниц, которые выпивают куриные

яйца, и от воробьев, что прямо у них из-под носу воруют корм. Хорек сел на трон, и все петухи и куры были рады, что у них такой могучий и добрый король.

Спустя несколько времени захотелось хорьку курятинки: не желая вызвать ропот открытым насилием, он решился под благовидным предлогом предать смерти какого-нибудь петуха и высосать из него кровь. Он велел позвать к себе самого жирного петуха и спросил его, не слышит ли он какого запаха.

Петух был честная душа и прямо отвечал:

— Извини, король! Я слышу отвратительную вонь.

Это был обыкновенный неприятный запах хорька.

— Бесстыдная тварь! — возразил хорек, — и ты осмелился сказать это в лицо твоему государю? — Ам! — и откусил петуху голову, и выпил из него кровь.

Потом приказал он позвать другого петуха и предложил ему тот же вопрос. Видя обезглавленный труп своего товарища и мордочку хорька, замаранную в крови, бедный петух затрепскал и не мог выговорить ни одного слова.

— Что ты дрожишь? — спросил хорек строго; — у тебя, верно, недоброе на уме? Отвечай сейчас!

Петух собрал все свои силы и чистым, сладким голосом отвечал:

— Я чувствую, что здесь чудно пахнет!

— Коварный лжец! — закричал хорек злобно; ты хочешь собственную негодность прикрасить лестью! Ам! — и сорвал с него голову, а кровь высосал.

Вслед за тем был позван третий петух. Тот был хитер, и на вопрос хорька отвечал:

— Извини, король! Погода дурна, и у меня сильный насморк.

Хорек, видя, как он умно выпутался из расставленной ему петли, засмеялся и принял этого петуха в свою особенную милость.

8. СТАРАЯ ХЛЕБ-СОЛЬ ЗАБЫВАЕТСЯ

См. Сказки, изданные Эрленвейном, № 22; Ган, II, 87; подобный рассказ известен также у закавказских народов (см. Закавказский край, Сочинения барона Гакстгаузена, II, с. 70–71) и у бурят (Вестник естественных наук 1854 г., с. 395–397: здесь роль волка играет змея).

9. ЗВЕРИ В ЯМЕ

См. варианты в сборниках Эрленвейна, с. 105–106, и Рудченко, № 10.

10. ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Сличи с Эзоповой басней о лисице и аисте в издании: «Эзоповы басни с баснями латинского стихотворца Филельфа, с новейшего французского перевода, полным описанием жизни Эзоповой, рассуждениями нравственными и историческими и проч. снабженно-го г. Беллегардом, ныне вновь на российский язык переведенные Д. Т. М., 1792, in 8°, с. 147–148.

15. ЛИСА И РАК

Сличи с басней, напечатанною в том же издании на с. 325–326.

16. КОЛОБОК

См. варианты в «Русских сказках для детей», изд. Авдеевой, с. 16–21, и в сборнике Рудченко, II, № 2.

17. КОТ, ЛИСА В ПЕТУХ

Сравни: а) в издании г-жи Авдеевой: «Русские сказки для детей» (№ 1). Здесь лиса поет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru